

Б.В. Мезгорский (Санкт-Петербург)

БОЙ ПРИ ОДОЛЯНУВЕ, 1709 г. МАЛОИЗВЕСТНАЯ НЕУДАЧА ПОСЛЕ ПОЛТАВЫ

Б ОЙ ПРИ ОДОЛЯНУВЕ произошел в Великой Польше к юго-западу от Калиша 11 (22) октября 1709 г. между частями русского Заднепровского корпуса генерал-фельдмаршал-лейтенанта Генриха фон дер Гольца (1648–1725) и отрядом польского воеводы киевского Юзефа Потоцкого (1673–1751). Это столкновение занимает скромное место в отечественной военной истории, так как оно вовлекло незначительные силы и не имело драматических последствий.

В историографии Одолянуву уделено не много внимания, а специальных работ не посвящено вообще. «Гистория Свейской войны» описывает лишь общую политическую обстановку в Польше после Полтавы, поездки и встречи царя в эти дни¹. Действиям корпуса Гольца посвящен один из черновых вариантов, который намекает на трудные обстоятельства боя: «Воевода киевский с своим войском чрез Вилень назад к Кракову пошли, генерал-фельдмаршал лейтнант Голц тогда со всем корпусом пошел за воеводою киевским, которого нагнал при Удалонове, где был немалой бой. И понеже за лесным и тесным местом и морастом великого авантажу учинить было невозможно, кроме того, что авангардия наша несколько часов билась, и тако неприятель принужден ретироваться к шленской границе, от которого несколько пленных и багажу наши получили, а прочие ево люди разбежались, а з достальными ушел в Венгры, которого князь Рагоций принял под свою протекцию»².

Голиков написал о том, что Потоцкий с 6000 человек разбил у «шленских» границ неосторожно стоявшую на квартирах партию из корпуса Гольца когда-то в сентябре и собирался напасть

на Конецполь, где в то время находился царевич Алексей. После отражения этого намерения Потоцкий прошел мимо Кракову и, ограбив его, ушел в Венгрию³.

Известный польский историк Ян Виммер в книге о польской армии в Северной войне написал, что Потоцкий потерпел там поражение от российских войск⁴. Ведущий специалист по Северной войне и российско-польским отношениям В.А. Артамонов на основе архивных материалов описал бой в общих чертах и показал ошибочность утверждения Виммера: бой был русскими проигран⁵. А.В. Беспалов среди прочих мало известных российским любителям военной истории сражений описал и это событие, не сославшись, но используя дословно текст Артамонова⁶. Недавние научные работы на близкие темы обошли Одолянув стороной. Польский исследователь Т. Цесельский описал действия лишь литовских войск Речи Посполитой⁷, а белорусский автор Д. Вицько ограничил свой довольно подробный обзор действий Заднепровского корпуса и его противников в 1709 г. только территорией современной Украины⁸.

Темой настоящего исследования Одолянув стал относительно случайно. Десять лет назад, просматривая сочинение П.Н. Крекшина о событиях 1709 г., я обратил внимание на описание сражения с некоторыми любопытными тактическими подробностями, например, о количестве выстрелянных патронов. Возможность изучить этот бой появилась недавно с обнаружением в Походной канцелярии Меншикова нескольких архивных дел, к нему относящихся, и использованных ранее В.А. Артамоновым лишь частично.

Итак, что мы знаем об обстоятельствах, приведших к бою при Одолянуве? В 1708–1709 гг. Заднепровский корпус действовал совместно с польско-литовскими союзниками с целью не допустить шведский корпус генерала Крассау и польского короля Станислава Лещинского к двигавшейся на восток главной армии Карла XII. 13 мая (здесь и далее даты по старому стилю) 1709 г. Гольц разбил прошведские литовские войска при Лидухове. В письме от 2 июня 1709 г. генерал-фельдмаршал-лейтенант сообщал Петру о походе своего корпуса на Львов, о трениях с польским союзником великим коронным гетманом Синявским на почве заготовки провианта для нужд корпуса. Отдельный интерес представляет оценка Гольцем его возможности эффективно командовать корпусом в будущем. Так, из-за отзыва генерал-лейтенанта

князя М.М. Голицына в главную армию под Полтаву фельдмаршал «великое вспоможение потерял». «По отъезде князя Голицына многих не порядков при войске опасаться имею», — писал фельдмаршал. Князя в корпусе любили, а провожали его офицеры и рядовые «с слезными очами». Гольц не знал, сможет ли рассчитывать на свои войска («могу ли прежнего от них уповати»), поскольку оставшийся у него генерал-лейтенант Дальбон «ради неразумения русского языка и слабости мне мало поможет». Сам же фельдмаршал из-за «сорокалетних трудов» уже не мог «при войске все чинить и учреждати» и просил об отставке, поскольку боялся потерять милость государя и свою честь⁹.

18 июля Гольц писал царю, что после известий о Полтавском сражении шведский корпус Крассау отступил за Вислу, а поляки воеводы киевского и Шмигельского от него отсоединились и послали просить прощения у короля Августа¹⁰. Согласно решению военного совета, состоявшегося в Решетиловке между 13 и 16 июля, Меншиков с кавалерией должен был идти на соединение с Гольцем, чтобы выгнать из Польши прошведского короля Станислава Лещинского и возвратить на польский трон Августа. 6 августа Петр в письме Меншикову рассуждал, что Гольцу выгоднее следовать в направлении Варшавы, так обеспечивалась связь с Пруссией (в связи с готовившимся союзным договором с прусским королем) и с Августом, шедшим на Калиш¹¹. Гольц интересовался, «для чего к Варшаве подаватца ему велено»¹². 10 августа царь велел Меншикову отписать Гольцу, чтобы тот заготавливал в Варшаве суда для перевозки пехоты¹³. 8 сентября, судя по письму к Августу, Петр направил «пять драгунских полков... Гольца на самых лучших конях» для скорейшего соединения с Августом для защиты от Крассау¹⁴.

По мере стягивания российских сил в Польшу, войска противника — шведы Крассау, Лещинский со свитой и польский корпус Потоцкого — отступали в направлении шведской Померании. По донесениям А.И. Ушакова, находившегося при саксонском корпусе, 22 сентября Крассау, Лещинский и Потоцкий переправились через р. Варту за Познанью под м. Барановым и продолжали уходить на Померанию¹⁵. Меншиков сообщал Петру 29 сентября: «пишет к нам господин отъютант Ушаков, что неприятель ушел к Померании и настичь его невозможно, того ради мы поход свой оставили»¹⁶. Генерал-майор Ешхав (Гешев) (мы не знаем, в чьем подчинении он находился и каким отрядом командовал),

очевидно, участвовал в преследовании и сообщал Петру о расположении войск Потоцкого, Крассау и Лещинского. В частности, 2 октября он сообщил, что Потоцкий стоит от Коронова в полумиле за м. Лупженица, Крассау — в шести милях далее. Лупженица находится в 8 милях до Торуня, 20 милях до Гданьска, 14 милях до Мальборка. Сам Ешхав с бригадой стоял на р. Брда под м. Короновым¹⁷.

5 октября Ушаков из Коронова сообщал, что Крассау и Лещинский с немногими поляками ушел в Померанию — через территорию Пруссии к Штеттину. Потоцкого же в Пруссию не пустили, поэтому он намеревался идти к Кракову через Велюн. Ушаков с Ешхавым и с поляками намеревались отправиться в погоню. 7 октября Потоцкий жег за собой мосты, Ешхав остановился у труднопроходимого места у м. Рынарева¹⁸. 10 октября из Яновиц, накануне боя при Одолянуве, Ушаков сообщал, что узнал от взятого языка, что Потоцкий стоит за Познанью, «и мы пошли, государь, чтоб у него путь заступить меж Познане и Калиша к Устремови»; он желал, чтобы у него было два-три русских полка, поскольку от поляков ожидать эффективных действий не приходилось («одной оной польской партии — ничего не учинить, хотя и подерутца, немного побитых будет на обе стороны»)¹⁹. Кем бы ни командовали Ушаков и Ешхав, по всей видимости, они не принимали участия в бою при Одолянуве, где Потоцкого настиг Гольц.

Сведения об исходе сражении были противоречивые. Так, адъютант Маврин 18 октября сообщал из Таруна: «Слышно нам от поляков, что генерал-фертмаршал-лейтенант Голц воеводу киевского побил»²⁰. Меншиков писал В.Л. Долгорукому в Копенгаген 21 октября: «воевода киевский отправлен был к Кракову во шти тысячах пехоты и со всею легкою конницею, который в сих числах при шленской границе от нашей конницы совсем разбит и, большую часть своего обоза оставя, ушел за границу шленскую. Однако ж за оным еще наши партии последуют, которые, чаем, праздные не воротятся»²¹. Противник Гольца после сражения (хотя и не вследствие) утратил свой боевой потенциал. По письму Меншикова от 19 ноября: «Воеводе киевской з достальным своим войском еще около сих мест бегаёт, как заяц, при котором по подлинному известию во время его походу от Прус было з десять тысяч, а ныне толко с тысячу обретаецца, а прочие все отстаивали, а иных коронное войско в полон побрало»²². Тем не менее, Потоцкий продолжал представлять некоторую угрозу;

генерал Ренне сообщал из Варшавы 12 ноября: «воевода киевский еще нашим многие чинит шкоды и многие генеральские обозы отбил»²³. В результате преследования русскими войсками Потоцкий со своими людьми ушел в Венгрию и вступил на службу к Ференцу Ракоци, об этом сам Ракоци написал бригадиру Кропотову 24 ноября²⁴.

Позднее, 23 апреля 1710 г. царь Петр в переписке с Б.П. Шереметевым оценивал одолянувское дело как «потерянную акцию», в которой «урон от бездельников воеводы киевского наши люди претерпели, будучи под командой фельдмаршала-лейтенанта Гольца»²⁵. Несмотря на то, что комментатор «Писем и бумаг» Е.П. Подъяпольская изучала документы судебного разбирательства над Гольцем, отложившиеся в РГА ВМФ и в РГАДА²⁶, она констатировала, что сведения об этой акции не найдены²⁷. На кригсрехте, военном суде, по требованию Меншикова Гольца обвиняли в неисполнении приказов, в неприсылке сведений о необходимых пополнениях; князь также требовал привлечь фельдмаршала к суду за неудачные действия под Головчиным в 1708 г. Суд начался на Котлине 15 (26) сентября 1710 г.²⁸ и закончился оправданием Гольца и отъездом его с русской службы в 1711 г.

Рукопись П.Н. Крекшина (1684–1763 или 1764) из Отдела рукописей РНБ носит полное название «Журнал великославных дел великаго государя императора Петра Великаго самодержца всероссийскаго. Том 28 содержащей в себе лето от первого дня Адама 7217 по рождестве Иисус Христове 1709. Собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санктпетербурге в лето спасительнаго воплощения 1753, от зачатия царствующаго града Санктпетербурха 50»²⁹. Этот труд давно известен исследователям петровского времени; в частности, он стал источником многих расхожих мифов о Полтавском сражении. Одних историков в нем привлекает обилие подробностей, не известных по другим источникам, других оно же настораживает и заставляет сомневаться в достоверности сочинений Крекшина в целом³⁰.

Приведем отрывки из его сообщения: «Фелтмаршал-лейтенант Фонголец, с войсками царского величества 20 полками в местечко Адаляново вступил. Киевской воевода с войском татар, поляков и бунтовщиков запорожцев в 15000 стоял за речкой против местечка Адаланова. На оной речке был мост и брод удобной; токмо чрез ту удобную переправу он фельдмаршал лейтенант Фонголец

войск царского величества против неприятеля не послал, а послал чрез неудобопроходимые места, где крутобереговья и топкия переправы». Далее Крекшин описывает ход боя, упоминая позиции полков и последовательность их вступления в бой, количество выпаленных патронов и т. п. «При той акции побито неприятельского войска до 300, а з стороны царского величества убито 58 человек. За таковой ево фелтмаршала лейтенанта Фонголца худой поступок и прочия его преслушания арестован и отдан под военский суд»³¹. К этому эпизоду в своей рукописи Крекшин дает ссылку: «в делах князя Меншикова в скаске Владимирского драгунского полку маеора Алексея Камынина № 25 в Академии, и в ордерере и кригсрехте 1710 году июня 23 дня».

В Походной канцелярии А.Д. Меншикова, составляющей 83-й фонд Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, отложился целый ряд документов, созданных в июне 1710 г. перед началом судебного процесса над Гольцем. Нас интересуют те, что относятся к Одолянуву, а это показания (групповые и индивидуальные) офицеров Лейб-регимента, Владимирского драгунского и Гренадерского Роппа полков, а также ведомости убыли личного состава и матчасти Лейб-регимента и Владимирского полка.

От Владимирского полка сохранилось больше всего свидетельств. Самым высокопоставленным свидетелем оказался полковник князь Мещерский, который был не при полку, а исполнял обязанности бригадира³². Подполковник Михаил Башмаков командовал полком в отсутствие князя Мещерского³³. Шквадрон-майор Алексей Камынин «был за полкового майора»³⁴ (и именно его показания стали источником для Крекшина). Агригирт-прапорщик Семен Теняков был в ординарцах у Гольца³⁵. Групповую «сказку» составили капитан Осип Баранов, поручики Яков Коробин и Тимофей Вечеслов, агригирт-поручик Иван Спешнев, прапорщик Андрей Кнутов³⁶.

От Лейб-регимента групповое показание подписали одиннадцать офицеров-участников акции с Потоцким: майор Владимир Борзов, майор Бутлер, капитаны Яган Лигарт, Магнус Франк, Родион Ушаков, агригирт-капитан Василий Коробовской, агригирт-поручик Иван Потрасов, прапорщики Сергей Кошкин, Афанасий Курленев, Антон Павловский, агригирт-прапорщик Любим Пушкарев³⁷.

Гренадерский полковника Роппа полк (кстати, называемый офицерами Третьим полком) представлен показаниями трех поручиков: Кристьяна Барта, Николая Петерсона и Ивана Философова, а также отдельно — капитана Ферштенбека³⁸.

Общая картина боя, собранная из всех свидетельств, представляется такой. Накануне боя, 10 октября 1709 г. вечером Гольц отрядил («командировал») авангард из капитана 3-го гренадерского полка (имя в источнике неразборчиво), прапорщика Лейб-регимента Курленева и «с ними от разных полков несколько человек драгун и волошин». За дозором следовал полковник Ропп с двумя гренадерскими полками и Лейб-региментом. Таким порядком они шли около версты до деревни, название которой никто не запомнил и у которой они, построившись, простояли ночь в ожидании Гольца. Ропп захватил языков и отправил их фельдмаршалу с сообщением, что противник поблизости. В течение ночи у передового дозора завязалась перестрелка. Ночью же подошел фельдмаршал с остальными полками и на следующий день двинулся дальше вслед за неприятелем, так что к середине дня 11 октября корпус подошел к местечку Одолянуву. Впереди шли гренадеры, Лейб-регимент и Сибирский полк, за ними — Владимирский, Архангелогородский, Ингерманландский и Белозерский. Гольц велел гренадерам спешиться и занять город, что они и сделали. Неприятель при этом вышел из города и ушел за переправу к мельнице, где построился к баталии и дожидался россиян. Заняв город, Гольц остановился в неких «палатах» и в дальнейших действиях участия не принимал; когда мимо проходил Владимирский полк, майор Камынин видел фельдмаршала в окне палат, разговаривающим по-немецки с генерал-майором Вейзбахом. Генерал-адъютант Шиленк, состоявший при Гольце, из окна же кричал командовавшему проезжавшими владимирцами подполковнику Башмакову, чтобы тот с полком поспешал на переправу.

Фельдмаршал отправил за переправу вслед за поляками гренадер «пешими» (т. е. лошадей они оставили в тылу), они могли идти лишь по два и по три человека в ряд. Впереди шел Первый гренадерский, за ним — Третий (Роппа). Следом двигался Лейб-регимент, в котором драгуны вели коней в поводу. Затем шли полки Сибирский, Владимирский и Ярославский. Топкая и глубокая переправа без мостов и гатей позволяла идти только по

одному человеку с лошадыю. После преодоления этой переправы генерал-майор Вейзбах велел сесть на коней, и драгуны поехали по одному и по двое через другую переправу, за которой построились в близости от неприятеля в «тесном месте».

Там было велено спешиться и «склепать» коней, после чего полки в пешем порядке построились лицом к неприятелю: на правом фланге гренадеры, на левом у мельницы за изгородью — «командированные», в центре — Лейб-режимент. Полковник князь Мещерский привел и построил во второй линии (места в первой линии вместе с Лейб-режиментом для них не оставалось) Сибирский полк справа и Владимирский слева. Вейзбах в это время находился с войсками. Подошедший Ярославский полк Мещерский поехал выстраивать на левое крыло, туда, где за изгородью располагались «командированные»; во второй линии ярославцам места не хватало; в этот момент под князем выстрелом убило лошадь. А когда ему привели другую лошадь, поляки начали атаку. Они повели атаку на «командированных» левого фланга, которые приняли бой, но вынуждены были отступить к Ярославскому полку. Тогда неприятель «окрик учинил и со всем своим корпусом на Ярославской на Володимерской полки и на Лейб-режимент пришел сильно, против которого в таком тесном месте и в болотах те полки пришли в канфузию, стоять много не смогли, стали уступать и пошли к местечку назад». Владимирцы во главе с подполковником Башмаковым пошли против неприятеля в пешем строю и бились, пока у них не закончились патроны. Патронов было немного: у каждого драгуна по два и третий заряжен. Поляки действовали «пехотою»; они обходили справа и слева и шли отступающим «в затылок», «неприятель догонял и в тыл стрелял, а перешед из-за мосту не дал им неприятелю построиться, напал на них с левого крыла и стали их колоть». Полковник Мещерский бегущие войска «одерживал много раз и одержать не мог». Владимирский полк не смог пробиться к месту переправы и перебирался в другом месте вплавь. После того, как в «великую канфузию» пришли полки левого фланга, начали отступать и гренадеры, которые «пошли болотом назад к местечку кто как может».

Другие полки — Архангелогородский, Ингерманландский и Белозерский — на помощь подоспеть из-за переправ не могли. В самом местечке спешившийся Архангелогородский полк «одержал» неприятеля.

Гольца не было при сражающихся войсках — об этом спрашивали у всех офицеров; он находился в замке местечка Одолянув. Боем в первой линии руководили полковник Ропп, генерал-майор Вейзбах и полковник Мещерский. К поведению офицеров претензий не было («а афицеры де которыя были при полках и те были и в самом деле»). Причиной «проигрыша» все называли «тесное и топкое место, на котором месте полков в орден баталии построить было невозможно»; лишь один Камынин осмелился критиковать: «командиры де им в таком непотребном месте на неприятеля велели наступать». Отступавшие через Одолянув видели фельдмаршала разъезжавшим по замковому валу на лошади. Когда войска собрались в местечке, Гольц и Вейзбах с полками отступили к деревне, где ночевали предыдущей ночью. В Одолянуге на ночь был оставлен арьергард князя Мещерского с полковником Дедютом³⁹, командированными драгунами и офицерами. В полночь Потоцкий отступил от Одолянува, о чем Мещерский тут же отправил известие Гольцу.

Переправа, по которой наступали полки, была, очевидно, труднопроходима. Офицеров спрашивали, знали ли они о существовании другой, более удобной переправы. Некоторые из них после сражения слышали от других о лучшей переправе справа: «от того места с версту» был и мост, и мелкий брод, где стоял Белозерский полк; но сами участники боя ее не видели и почему пошли не по ней — не ведали.

Сохранились сведения и о потерях сторон. Взятый в плен гренадерский поручик Барт слышал от поляков, что у них пропало человек с 30 или немного больше. Лейб-регIMENT потерял убитыми 5 офицеров, 2 унтер-офицеров и 29 рядовых, ранеными — 1 офицера, 3 унтер-офицеров, 38 рядовых и капралов; лошадей верховых 132, седел 139⁴⁰. Владимирский полк потерял убитыми 1 унтер-офицера и 5 рядовых, ранеными — 1 унтер-офицера, 9 рядовых и 2 барабанщиков; лошадей драгунских 72, седел 86⁴¹.

Опубликованные К.В. Татарниковым офицерские сказки содержат многочисленные упоминания об одоляновской акции. Генерал-майор Иоганн Бернгард фон Вейзбах (Johann Bernhardt von Weisbach) записал, что как «учинилась акция с воеводою киевским, и в то де число от посланной партии в Шленск за ним, воеводою киевским, взято от войска его, воеводы киевского, со 100 человек»⁴². Очевидно, после сражения преследование Потоцкого

продолжилось. Среди штабных чинов участие в бою отметил находившийся при Гольце «флигель-адъютант при поручицком трактamente» Бецголт Кашпер Иванович⁴³. Самое развернутое описание участия в бою дал Будаев Герасим, писарь Ростовского драгунского полка: «А в 709-м году сентября 25-го дня взят из писарей до генерала-аудитора Бресиуса в писари, и октября 13-го дня под местечком Одолянами при баталии взят в полон от войска воеводы киевского, также и ранен многожды, и завезен был в Венгерскую землю. И в 710-м году из Венгерской земли по просьбе отпущены с пасом за подписанием руки венгерского князя господина Ракоци, и явились в Польше господину генералу Янушу с другими разных полков драгуны. И господин генерал Януш в 711-м году определил его, Будаева, к себе в канцелярию писарем»⁴⁴.

По сказкам удалось выявить участников боя 11 октября 1709 г. в следующих полках: Гренадерский Кропотова полк — 22 офицера и гренадера⁴⁵; Гренадерский Роппа полк — 12⁴⁶; Лейб-регiment — 21⁴⁷; Архангелогородский драгунский полк — 26⁴⁸; Белозерский драгунский полк — 7⁴⁹; Владимирский драгунский полк — 16⁵⁰; Ингерманландский драгунский полк — 27⁵¹; Сибирский драгунский полк — 6⁵², из которых прапорщик Прокофий Кириллович Малеев указал, что был при Одолянуве «с... Реном»; Ярославский драгунский полк — 13⁵³, причем драгун Григорий Афанасьевич Полтинин «на которой [одоляновской акции] и ранен по голове шпагою».

На участие в бою претендуют также чины полков, не упомянутых в показаниях из Походной канцелярии Меншикова. Присутствие этих полков в бою требует подтверждения: гренадерский Хлопова полк — 2⁵⁴; Московский драгунский полк — 5⁵⁵, из них четверо уточнили, что были «при команде господина полковника Голанта»; Нижегородский драгунский полк — 1⁵⁶; Астраханский драгунский полк — 5⁵⁷; «Командированный драгунский шквaдpон, что был подполковника Дубасова» — 1⁵⁸; Казанский драгунский полк — 3⁵⁹; Новгородский драгунский полк — 1⁶⁰; Ростовский драгунский полк — 1⁶¹; Рязанский драгунский полк (Геренка) — 1⁶²; Тверской драгунский полк — 1⁶³; Троицкий драгунский полк — 1⁶⁴.

Помимо полков, чье участие в бою подтверждено показаниями участников (Гренадерские первый и третий, Лейб-регiment, Владимирский, Сибирский, Ярославский, Архангелогородский, Ингерманландский и Белозерский), вероятно также участие

других частей. Судя по сказкам пятерых офицеров Московского драгунского полка, их подразделение (рота, исходя из набора чинов) участвовало в бою в отряде некоего полковника Голанта; возможно, это и были командированные, которых не знали офицеры других полков. Одиночные представители других полков также могут относиться к командированным.

Таким образом, бой закончился тактическим поражением войск Гольца, но на оперативную обстановку не повлиял — Потоцкий продолжил отступление и вскоре покинул территорию Польши. Проведенное небольшое исследование позволяет сделать несколько выводов. Первая их группа касается источников. Несмотря на неудачу и незначительность, этот бой тем не менее представляет особую ценность для исследователей и любителей военной истории. Военные победы оставляют после себя немногословные репортажи, исходящие от высшего командира; в таких документах сложно найти подробности, они ограничены одной точкой зрения. Неудача же становится причиной разбирательства, в ходе которого откладываются многочисленные и достаточно подробные свидетельства непосредственных участников событий уровня старших и младших офицеров. Так, Головчинское поражение 1708 г. дало исследователям богатые материалы следственного дела⁶⁵. Так же и Одолянув ценен отложившимся массивом документов с показаниями офицеров драгунских полков. Эта особенность проигранных сражений показывает перспективный путь для исследователей — поиск и выявление служебной и следственной документации, созданной в связи с неудачами либо с другими разбирательствами.

Помимо показаний участников боя, мы смогли познакомиться с документами о потерях личного состава и об утратах имущества отдельных полков. Такие документы позволяют больше узнать о комплексе обмундирования и вооружения и представляют собой ценные источники для научной реконструкции облика российских войск в петровскую эпоху. Несоразмерность потерь в людях и в лошадях подтверждает, что драгуны действовали, спешившись, и были вынуждены отступать, бросив своих «склепанных» коней. Количество потерянных лошадей может говорить о том, что от Лейб-регимента и Владимирского полка в деле участвовали подразделения уровня рота — эскадрон.

Нельзя не оценить сообщение П.Н. Крекшина. В современной историографии не без оснований считается, что тексты

Крекшина недостоверны и полны его собственных вымыслов. В данном случае, с одной стороны, он в целом верно описал ход боя, но напутал в деталях (какой полк в какой линии и на каком фланге стоял); названная им общая численность сторон скорее всего вымышлена, размер потерь противника — завышен, а потери русских полков, данные с точностью до человека, могут быть завышенными либо близкими к фактическим. С другой стороны, он сослался на реальный источник, нам удалось проверить его ссылку на дело в походной канцелярии Меншикова и выйти на большой и малоизвестный набор ценных архивных документов. В этом смысле текст Крекшина оказался безусловно полезен. Таким образом, перспективным представляется поиск и выявление источников, которыми Крекшин мог пользоваться при создании своих литературных произведений.

Вторая группа выводов касается непосредственно содержания выявленных документов. В них интересными представляются несколько моментов. Неоднократно упоминаются «командированные» в различных ситуациях: в качестве авангарда при движении к Одолянову 10 октября, в качестве застрельщиков у изгороди на левом фланге в бою 11 октября и в качестве оставленного в местечке арьергарда в ночь на 12 октября. Вероятно, выделение временных сборных отрядов было распространенной практикой, о которой мы пока знаем не так много.

Действия драгун и конных grenадер в пешем строю — как для переправы, так и для ведения боя, а также рассуждения офицеров о том, сколько сухого места требовалось для сражения, — показывают, что российская кавалерия была знакома с пехотной экзерцицией и при необходимости могла действовать «пехотою». Впрочем, в данном конкретном случае условия местности практически не позволили вести бой в соответствии с правилами линейной тактики.

Вызывает недоумение факт нехватки патронов в полках — всего по три патрона на человека. В штатной ситуации носимый боекомплект должен был составлять не менее 20 фузейных патронов: в 1707 г. в Л-гв. Преображенском полку — 20 в лядунках и 30 в патронных ящиках⁶⁶, в 1715 г. — по 70 в лядунках и ящиках на одного драгуна⁶⁷. Именно нехваткой патронов некоторые офицеры объяснили невозможность удержаться на занимаемой позиции.

Примечательно, что офицеры обозначали grenадерские полки по номерам — Первый (Кропотова) и Третий (Роппа). В

историографии принято считать, что российские конно-гренадерские полки номеров не носили и назывались исключительно по полковникам; теперь это представление придется скорректировать.

Так же обращает на себя внимание то, что ни один из опрошенных офицеров не критиковал командира корпуса Гольца, они сухо констатировали, где видели и где не видели генерал-фельдмаршал-лейтенанта в день боя, но оценок не делали и вину за проигрыш на него не возлагали.

¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 323, 324.

² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 2. М., 2004. С. 442.

³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. 4. М., 1838. С. 396.

⁴ Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie Wojny północnej, 1700–1714 гг. Warszawa, 1956. S. 343.

⁵ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 34, 35. Помимо дел, связанных со следствием, из НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83, Артамонов также ссылается на РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91. Л. 446–449.

⁶ Беспалов А.В. Битвы Северной войны 1700–1721. М.: Рейтар, 2005. С. 187.

⁷ Цесельский Т. Последние боевые триумфы Великого княжества Литовского — битвы под Ляховцами и Наквашей // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции. Ч. 3. СПб, 2017. С. 439–456.

⁸ Віцько Дз. В. Кампанія 1709 г. на захадзе України // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы (к 300-летию со дня битвы при д. Лесная). Международная научно-практическая конференция 4 октября 2008 г. Могилев, 2008. С. 69–84 (автор выражает признательность С.А. Иванюку за возможность ознакомиться с этой статьей).

⁹ Письма и бумаги Петра Великого (ПиБ). Т. 9. Вып. 2. С. 955.

¹⁰ Там же. С. 1017.

¹¹ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 335.

¹² ПиБ. Т. 9. Вып. 2. С. 1175.

¹³ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 340.

¹⁴ Там же. С. 368.

¹⁵ ПиБ. Т. 9. Вып. 2. С. 1249.

¹⁶ Там же. С. 1256.

¹⁷ Там же. С. 1259.

¹⁸ Там же. С. 1271.

¹⁹ Там же. С. 1272.

²⁰ Там же. С. 1299.

²¹ Там же. С. 1313. О том же Долгорукову писал и Г.И. Головкин, см. там же. С. 1394.

²² Там же. С. 1300.

- ²³ Там же. С. 1260.
- ²⁴ Там же. С. 1302.
- ²⁵ Там же. Т. 10. С. 113, 114.
- ²⁶ Там же. С. 714.
- ²⁷ Там же. С. 575.
- ²⁸ Там же. С. 715.
- ²⁹ ОР РНБ. Ф. 588 (Погодин). Оп. 2. Д. 1732. 142 л.
- ³⁰ Богуславский А.Г. О «Дневнике полтавского коменданта Келина» // Вопросы архивоведения. 1962. № 4. С. 80–83; Базарова Т.А., Дадыкина М.М. «Дворянин Великого Новгорода» П.Н. Крекшин и походная канцелярия А.Д. Меншикова // Новгородский исторический сборник. 15 (25). Великий Новгород, 2015. С. 217–229; Кротов П.А. Глава II. Литературная деятельность П.Н. Крёкшина и «благородные вымыслы» по истории Полтавской битвы // Кротов П.А. Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М., 2018. С. 153–323.
- ³¹ ОР РНБ. Ф. 588 (Погодин). Оп. 2. Д. 1732. Л. 94 об., 95.
- ³² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3673. Л. 1–2 об.
- ³³ Там же. Д. 3778. Л. 1–2 об.
- ³⁴ Там же. Д. 3677. Л. 1–2 об.
- ³⁵ Там же. Д. 3676. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Д. 3675. Л. 1–2 об.
- ³⁷ Там же. Д. 3657. Л. 1–6 об.
- ³⁸ Там же. Д. 3657–3868. Микрофильм.
- ³⁹ По-видимому, Симон Алексеевич Дедют, полковник Ингерманландского полка, см.: Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2017. Т. 2. С. 2247.
- ⁴⁰ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3664. Л. 1–1 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 1.
- ⁴² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. 1. С. 24.
- ⁴³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 603.
- ⁴⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2210.
- ⁴⁵ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 65, 66, 70, 71, 73, 75, 79, 81, 83, 84, 87, 844, 979; Т. 2. С. 1615; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2016. Т. 1. С. 819, Т. 2. С. 1274; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Сб. документов. Сост. К.В. Татарников. М., 2017. Т. 1. С. 674, 1054, 1240; Т. 2. С. 1451, 1584, 1706, 1844, 2239, 2258.
- ⁴⁶ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 96, 99, 101, 102, 104–108; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 838; Т. 2. С. 2134, 2166, 2241.
- ⁴⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 98, 566, 827, 831, 832, 836–842, 845, 847; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 80, 189, 1260; Т. 2. С. 1494, 1502, 1854, 2021, 2032, 2044, 2132.
- ⁴⁸ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 159, 161, 162, 164, 168–171, 173, 174, 176, 178, 179, 181, 186, 188, 189, 418, 975; Т. 2. С. 2226; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 512, 771, 1038; Т. 2. С. 1678, 1779, 2263, 2399.

- ⁴⁹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 27, 339, 341, 346; Т. 2. С. 2236; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 704, 1238; Т. 2. С. 2207.
- ⁵⁰ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 226, 229, 230, 232, 234, 236, 238–240, 242, 245, 247, 248, 547.
- ⁵¹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 182, 325–327, 329, 330, 332, 333, 417, 947, 1003; Офицерские сказки. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 167, 317; Т. 2. С. 1513, 1769, 1847, 2014, 2249, 2289, 2375, 2418.
- ⁵² Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 857, 859, 861, 863; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 1771.
- ⁵³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 123, 991, 992, 996–998, 1001, 1004; Т. 2. С. 1627; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2016. Т. 2. С. 1342, 1361; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 1047; Т. 2. С. 1523, 1527, 2083.
- ⁵⁴ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 114, 130.
- ⁵⁵ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 482, 490, 496, 499, 692; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2197.
- ⁵⁶ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 601.
- ⁵⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 987; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 256, 987; Т. 2. С. 2416, 2472.
- ⁵⁸ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1237.
- ⁵⁹ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1516; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 545; Т. 2. С. 2356.
- ⁶⁰ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2280.
- ⁶¹ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 254.
- ⁶² Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 2. С. 2223.
- ⁶³ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1368.
- ⁶⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Т. 1. С. 1008.
- ⁶⁵ Марченко М.К. Головчино. 3 июля 1708 г.: По документам Меншиковского архива Академии Наук // Военный сборник. 1901. № 3. С. 1–34; Мышлаевский А.З. Северная война, 1708 г.: От реки Уллы и Березины за реку Днепр. СПб., 1901. С. 128–175.
- ⁶⁶ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1. Северная война. Документы 1705–1708 гг. СПб., 1892. С. 86.
- ⁶⁷ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 25. С. 417.